

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию
Самариной Марины Сергеевны**

**«ФРАНЦИСКАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРИОДА «НАЧАЛ»
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ» (XIII век),
представленную к защите на соискание ученой степени
доктора филологических наук
по специальности 10.01.03. —
Литература народов стран зарубежья
(литература народов Европы, Америки, Австралии)**

Широко открывшийся в последние два десятилетия для россиян западноевропейский и ближневосточный мир воочию показал, какой духовный авторитет имеют донныне францисканцы и какую активную практическую роль они играют - от замечательной реконструкции «Via dolorosa» в Иерусалиме к 2000-летию христианства до принятия имя «Франциск» не столь давно избранным римским понтификом.

Для отечественной науки интерес к францисканскому наследию также стал ярким фактом последних десятилетий, уже давшим результаты, по культурным «объемам» едва ли не превзошедшие все, что вообще было сделано в России в отношении францисканства за предшествующее время. Достаточно вспомнить современные истории итальянской литературы с их солидными средневековыми разделами, включающими и в новом ключе представленную характеристику францисканской литературы (М.Л. Андреев и др.), только что завершенную публикацию «Энциклопедию католицизма», и другие крупные проекты, предпринятые Издательством францисканцев.

В этом ряду - и немалые числом труды М.С. Самариной, автора анализируемого большого и интересного диссертационного сочинения.

Работа М.С. Самариной посвящена изучению францисканской литературы XIII в. как филологического и –шире- религиозно-культурного явления. Актуальность темы, избранной для диссертационного исследования, кроется в особой важности изучения переходных («начальных») эпох и периодов, в одну из которых вписывается литературное творчество святого Франциска и немалого круга его последователей, а также в возможности подойти к нарративу того времени с новыми мерками и вопросами, выработанными современной наукой и методологиями.

Новизна работы состоит в постановке и решении ряда общетеоретических и конкретно-исследовательских вопросов, относящихся к проблеме. Прежде всего – в прояснении, углублении и уточнении методологического, теоретического и конкретного содержания основополагающих понятий, связанных с эпохой и ее литературой, таких

как «христианский гуманизм», «новый тип духовности», «новый тип религиозности», «францисканская новизна», «францисканская духовность» «литература озарения», «трубадур Христа», «новый тип религиозного подвижника», предпринятого через исследование жизни и литературного наследия не только самого Франциска, но и мало изученных в отечественной филологии Томмазо да Челано, Якопоне да Тоди, Антония Падуанского, Клары Ассизской, Анжелы да Фолиньо с их латинскими и итальянскими текстами.

(Заметим сразу, что некоторые понятия обозначаются, но остаются вне поля активного использования и развернутого наполнения конкретным смыслом, например, «готическая ментальность», с. 13, и особенно-«готический гуманизм», с. 54).

В состав новых, глубоко изученных в диссертации вопросов, несомненно, вошли те, которые продиктованы междисциплинарным «измерением»: самоидентификация личности; образование, круг чтения, специфика религиозно-интеллектуального облика, отношение к последователям, ученикам, учителям, женщинам и пр. – и вновь не только на «материале» Франциска, но и большого числа авторов-францисканцев XIII в.

Поражает огромный список использованных литературных текстов: автор скромно прячет его за общими названиями изданий трудов Франциска и других, но реально поднимает обширный пласт сочинений (по моим подсчетам, не меньше 100 единиц), тщательно разбираясь в их происхождении, аутентичности, указывая (что особенно ценно в глазах историка) место хранения и степень сохранности рукописей, даже места нахождения мощей святых авторов и т.д. (с. 197, 207, 209, 218, 220 и мн. другие). Ясно, что многие из них автор диссертации держала в собственных руках, что дало дополнительные значимые возможности обрисовки религиозных и культурных контекстов эпохи и связанной с ней литературы в важных деталях. Автор знает и последние находки (например, пергамена «Гимн творениям» с надстрочными знаками - с. 121 или устава Клары Ассизской в складках ее одеяния - с. 359). Иными словами, перед нами «живое францисканство»; его жизнеспособность и активность становится сквозной темой диссертации, что также можно отнести к числу научно-культурных удач. При этом, с научной стороны, стоит особо отметить вовлечение в научный оборот значительно числа мало изученных прежде религиозно-литературных текстов последователей Франциска (гл.3), т.е. их актуализации для современной культуры.

Следует отметить также уровень освоения громадных пластов исследовательского материала на нескольких языках (более 500 единиц), к которому идет активная адресация на протяжении всей работы. Многим работам даны вдумчивые характеристики (с. 28-30, 38, 43 и др.). В списке использованной литературы названы практически все значимые итальянские, английские, французские, немецкие, испанские, русские авторы XX в., филологи, историки культуры, историки церкви; стоит

особенно отметить, что около пятой части- работы последних пятнадцати-двадцати лет.

Новаторский характер диссертации не вызывают сомнений, особенно в сочетании с многосторонней аргументацией, носящей междисциплинарный характер, но акцентированной на филологическую составляющую проблемы, а также с использованием в продуктивном соотношении классических и современных методов исследования. В фундаментальном диссертационном сочинении М.С. Самариной поставлено и разрешено значительное число принципиально важных методологических и конкретно-исследовательских вопросов.

Попытка выбора разделов, которые хотелось бы отметить особо, привела ко второй части работы: на мой взгляд, самая филологически и междисциплинарно «прорывная» часть диссертации – глава третья. О ее значимости говорит объем (половина текста диссертации), число разделов (их девять), характер исследованного материала. Особой основательностью отличаются разделы 1-6, где всестороннему анализу подвергается ученая и проповедническая литература францисканцев (Антоний Падуанский и др.), ее апокалиптика (творчество Томмазо да Челано), экстазм (Якопоне да Тоди), ее «женская» составляющая (Клара Ассизская и Анжела да Фолиньо). Ярко и убедительно изложены материалы по теме «францисканство и ислам» (раздел 7), систематизировавшие и обновившие противоречивые и разрозненные прежде сведения и дополнившие работы главного специалиста в этой области С.И. Лучицкой (ИВИ РАН). Столь же важен с точки зрения обновления и систематизации материалов раздел о «Золотой легенде» Якопо из Вараццо (с. 397). Эти разделы выглядят практически равнозначными по уровню, важности поднятых вопросов, степени «фундированности» литературно-религиозными текстами, основным наблюдениям и заключениям.

Обозначу специально некоторые из тех моментов названной главы, без учета которых сегодня уже нельзя обращаться к вопросам литературоведения, методологии и конкретной характеристики контекстов изучаемого периода. С этой точки зрения, к глубоким страницам диссертации можно отнести анализ анонимного рассказа «Мистическая свадьба блаженного Франциска с Дамой Нищетой» (с. 235-238) с убедительным выводом, что бедность для автора - первая добродетель и исключительно нравственное понятие; «цветочной» истории укрощения волка из Губбио (с. 245-255) с адресациями-сравнениями к «Божественной комедии»; «Дня гнева» Томмазо да Челано (с. 270-289) с выявлением авторства, рукописей, неоднородности и фрагментарности текста, содержания и языковой формы, широкими адресациями к произведениям мирового искусства, подхватившими тему; гимна Фомы Аквинского «*Pange lingua*» (с. 403-409) с анализом стихосложения, рифмы, размера и выводом о том, что доминиканская литература, в отличие от францисканской, не может рассматриваться как единое целое; трактовка «взаимоотношений» Иоахима Флорского и Франциска Ассизского (с. 290-294); тема Якопоне да

Тоди и Франциск (раздел 4) с анализом» «Лауды о немой любви; анализ агиографий Антония Падуанского (раздел 5) с выводом об их «зеркальности» литературе о Франциске, собственных текстов Антония – от вопросов атрибуции до анализа проповедей и мировосприятия в целом; рассмотрение проблемы антифеминистической инвективности средневековой литературы (раздел 6) и сочинений/писем Клары Ассизской с выводами об их аутентичности, подверженности культурным штампам времени, сближении языка мистической любви и языка поэзии; очень важные и неизученные практически в отечественной науке темы - устав Клары Ассизской и «Книга» Анжелы да Фолиньо с выводами о пробуждении женского самосознания и чувства самоценности личности в истории; выявление и анализ «следов» францисканства в «Божественной комедии» Данте (раздел 9), особенно – идеи обновления жизни.

Кроме того, одной из научных «изюминок» главы первой (гл.1. параграф 2) стало выявление через агиографические материалы степени соответствия жизненного пути Франциска модели «развития святости» (с. 97-104), места юродства в ней, с одной стороны, и рыцарской ритуальности, с другой (с. 101,125 и сл.), изложения тезиса о Франциске-поэте, «менестреле Господа Бога» (гл. 1. раздел 3), его французском языке, стилистике и ритмике лауд, их грамматических и синтаксических конструкциях, тематике. В главе второй стоит особо отметить очень развернутую и многоплановую научную характеристику «Гимна творений» (с. 161-183) с постановкой ряда интересных вопросов – об истоках текста, лингвистическо-филологических смыслах названия, в том числе, идущих от французского языка Франциска, одновременности создания отдельных частей и их стилистической разнородности, семантике терминов «родства» («брат», «мать», «сестра») по отношению к солнцу, о роли света, луны, огня, смыслах зачина, нумерологии, теме природы, пантеистических моментах, смерти, картине мира, полемике с катарством. В первом разделе главы третьей («Проблемы изучения агиографии: «легенды» и «цветочная литература») выявлена содержательная новизна первого жизнеописания Франциска (Томмазо да Челано), где Франциск явлен миру как второе воплощение Христа и повторение его пути (с. 233-235), а также реформатор и спаситель церкви. С новыми суждениями изложена история полемики вокруг еще одной агиографии - «Легенды трех товарищей» (с.238-239).

Удачные попытки обобщений делают интересным большую часть заключения, с главными выводами которого (о «эсхатологической легкости» францисканской духовности, неизменном деятельном оптимизме, противоположности мировосприятию папы Иннокентия III, выраженному в его трактате «О презрении к миру», позитивной и радостной оценке земного мира) заставляет согласиться весь предшествующий материал.

С заключения начнем и изложение замечаний по диссертации.

1. Полемическая заостренность части тезисов, выносимых на защиту, оказалась оправданной и материалом, и кругом поднятых вопросов.

Думается, однако, что автор в рамках полемики и вне ее сумела предложить интересную «позитивную» концепцию, связанную с трактовкой францисканской литературы и ее значимости для культуры XIII века, а также воздействия на Реформацию и Ренессанс. Однако, на мой взгляд глубокого обобщения по поводу *характера этого воздействия* не хватило в заключении диссертации. Его не могут в должной мере заменить отсылки, разбросанные по работе, к ученым, утверждавшим, что религиозное возрождение XII-XIII столетий подготовило гуманистическую культуру Возрождения (с. 58 и др.)

2. Несколько претензий можно предъявить к введению. При основательной характеристике и активном использовании обширного круга литературы все же единого емкого заключения о том, какие методологии преобладают, какие тезисы остаются самыми спорными, что вовсе пока не изучено (с. 26, 28, 51) автор не делает; при характеристике русской научной литературы, выделенной в специальный раздел «Франциск Ассизский в российских исследованиях», автор, увлекаясь, «перескакивает» на мир культуры (Л. Толстой, Б. Зайцев и др. – с.33, 41, 44); добавим, в другой раздел (глава первая – с. 56-57) входит целая вставная «новелла» о Гоголе.

Имеют место некоторые лакуны: в частности, автор почему-то прошла мимо теоретико-методологических общих статей (О.Ф. Кудрявцев, Л.М. Брагина, Н.В. Ревякина и др.) в энциклопедии «Культура Возрождения» (2007-2011), которая считается самым значимым русским проектом начала XXI в. и явно позволила бы диссертанту более отчетливо расставить акценты по поводу истоков Ренессанса, христианского гуманизма и др.; автор также упустила из виду «Католическую энциклопедию» (М., 2002-2014, 4 тома), работы С.М. Стама об Иоахиме Флорском и Данте. Это работы историка культуры, не филолога, но важность первой в том, что в 1947 (!), году была защищена объемная в 300 с. диссертация по Иоахиму, т.е. в тех черно-белых красках, «запретности», о которых применительно к религиозной литературе не раз говорится в рассматриваемой работе (с. 6 и др.), были и иные оттенки, делающие честь отечественной медиевистике. Потом С.М. Стам опубликовал несколько статей, в том числе – переведенных позже на другие языки; он же был автором всех энциклопедических статей 1960-х гг. об Иоахиме. Работа о Данте (2003) также касается темы Иоахима Флорского и «насельников» Рая, что позволило бы автору диссертации сверить свою позицию с предшественником. (Кстати, уже самому Флорскому не достало внимания при характеристике во Введении использованных источников – см. с. 11: его трактаты не названы, время их создания почему-то «пролонгировано» на всю первую четверть XIII в.). С названиями сочинений не повезло и другим францисканцам.

Досадной оговоркой, закравшейся и в автореферат, выглядит отнесение работ А. Я. Гуревича, В. П. Даркевича, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева к трудам «по истории и культуре Возрождения» (с.13). Перед нами всем известные специалисты: первые два – по истории средневековой

культуры и представлений, третий - по семиотике и знаковым системам, четвертый - по теории и истории древнерусской литературы и культуры.

3. При вдумчивом в целом отношении к методологическим оппозициям разного рода, автор в некоторых случаях довольствуется явно уходящим в прошлое языком: «зеркальными» оценками типа «Титаны средневековья» в противовес «титанам Возрождения» - прежде всего титаны духа (с. 57), «Бернар одержал убедительную и закономерную для своей эпохи победу» (с. 64), клише вроде «серьезный вызов для все еще незыблемых основ вероучения исходил уже из недр...» (с. 63), «серьезным ударом по традиционной теологии...» (с. 67). Добавлю, что в некоторых местах автор отклоняется от жанра научного исследования включая в текст развернутые справки (о схоластах, с. 63-64, Абельяре, с.65, Фоме Аквинском, с. 66-67, орденах, с. 69-71 и пр., с. 73-74, 77-80, 112-115).

4. Как медиевист, много лет научной жизни связанный с проблематикой средневекового города, не могу не указать, что как раз города и его мощной роли в характеристике контекста сильно недостает, он едва «промелькивает», не получив должного акцента. Надо ли говорить, что и сам Франциск, и францисканство – порождение прежде всего городской среды и противоречий ее развития.

5. Скорее эмоциональной оценкой, чем обоснованным научным тезисом, звучит утверждение, что в средневековье возникает «некая «мода» на неверие, которая проявляется чрезвычайно редко и только в высших слоях общества среди интеллектуалов» (с. 67). Если пристальней заглянуть в XIV век и инвективу Петрарки «О своем собственном и многих других невежестве» (1367), то можно усомниться и по поводу высших слоев, и по поводу интеллектуалов уровня самого Петрарки и Боккаччо. Думается также, не стоило «походя» касаться вопроса об атеизме средневековья (с. 68), поскольку здесь как раз мы навязываем анахронистические суждения эпохе. Вразрез со многими оценками звучит тоже оброненная мельком фраза о «религиозной стилистике сонетов о Лауре» Франческо Петрарки (с. 77).

Сделанные замечания не меняют в целом положительного мнения о хорошем качестве проделанной работы, которая отличается выраженной новизной содержания и подходов, четко сформулированной авторской позицией, основательными выводами. Текст диссертации с первых строк не оставляет сомнений, что перед нами новое по замыслу и исполнению фундаментальное ученое сочинение, вносящее в изучение эпохи, литературы, всей культуры и мировосприятия Высокого средневековья весомый вклад, дающее в руки исследователей новые и важные материалы и инструменты исследования, открывающее дорогу новым темам.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в науке специалистами по истории зарубежной литературы, всеобщей истории для уяснения сложных вопросов идейной и религиозно-церковной жизни Европы в переходную эпоху, вклада Франциска и францисканцев в европейскую культуру. Кроме того, их результаты могут быть

рекомендованы для включения в общие и специальные вузовские курсы по литературе, истории, источниковедению и текстологии, использованы при написании диссертационных сочинений.

Содержание автореферата отражает фактический материал, основные идеи и выводы диссертации. Результаты диссертационной работы также отражены в двух объемных монографиях и значительном числе статей – их 51, при этом 16- в журналах ВАковского перечня. Основные разделы диссертации прошли основательную апробацию на конференциях разного уровня в научных центрах России, Италии и других стран.

Диссертация является научно-квалификационной работой, отвечающей критериям п.9 Положения о присуждении ученых степеней (утверждено Постановлением Правительства РФ от 13.09.2013 №842), а ее автор, Самарина Марина Сергеевна, достойна присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03. — Литература народов стран зарубежья (литература народов Европы, Америки, Австралии).

3 октября 2014 г.

Официальный оппонент,
доктор исторических наук,
профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Саратовской государственной консерватории имени
Л.В. Собинова

Н.И. Девятайкина

Подпись заверяю
Начальник отдела кадров